ТУРЕЦКіЙ ФЛОТЪ ВЪ 1829 ГОДУ.

Въ продолженіе послѣдней войны нашей съ Турціею, флотъ непріятельскій держался въ Босфорѣ, подъ прикрытіемъ сильныхъ крѣпостей европейскаго и азіатскаго береговъ пролива. Флотъ этотъ показывался только на самое короткое время въ Черномъ морѣ, будто только для славы, держался къ анатольскимъ берегамъ и прежде чѣмъ нашъ флотъ, находившійся большею частью у Варны и Сизополя, успѣвалъ подойти къ Босфору, — Турки давно уже стояли въ проливѣ. Они для прогулокъ этихъ выбирали южный вѣтеръ, коимъ могли вытти изъ пролива и воротиться туда, между тѣмъ какъ для насъ вѣтеръ этотъ былъ противный.

Англійскій лейтенатъ Следъ находился гостемъ на турецкомъ адмиральскомъ кораблѣ, при одной изъ такихъ прогулокъ, и описалъ то что слышалъ и видѣлъ при этомъ случаѣ, такимъ образомъ:

Чтобы попасть на адмиральскій корабль (капудана–паши), я проѣхалъ по всей линіи

флота: корабли были чисто окрашены, но такелажъ болтался, обвиснувъ слабиной, а ноки реевъ торчали туда и сюда. Селиміеръ, прекрасный стопушечный корабль безъ юта, съ краснымъ шелковымъ флагомъ, висѣвшимъ отъ гафеля до воды, окруженъ былъ шлюпками. Пушки его смотрѣли туда и сюда — будто иныя готовились сбивать непріятельскія брамъ–стеньги, другія топить шлюпки; однѣ глядѣли къ носу, другія къ кормѣ. Курильщики сидѣли въ портахъ, свѣсивъ ноги за бортъ.

Мы взошли: Капуданъ–паша сидѣлъ развалясь съ трубкой посреди палубы, на тюфякахъ и подушкахъ. Его окружала стража и прислуга разнаго рода, въ пестрой одеждѣ; матросы сидѣли и лежали кучками, при пушкахъ — кто молился, кто завтракалъ, кто игралъ въ шашки. Паша поздоровался съ нами и пригласилъ насъ въ каюту: два офицера подхватили его подъ мышки и повели. Вся толпа пошла за нами.

Каюта была отдѣлана чисто и красиво. Насъ посадили, подали кофе, трубки,

шербетъ, опахалами гоняли мухъ. Паша объявилъ, что нынѣ же идетъ въ море, искать русскій флотъ. Слово искать удивило меня; въ Стамбулѣ всѣ знали гдѣ стоялъ русскій флотъ и найти его было бы не мудрено. Паша пригласилъ меня въ свидѣтели на этотъ поискъ и я принялъ это, какъ гость, съ удовольствіемъ.

Я спѣшно отправился на берегъ, чтобы взять кой–что съ собою, но возвращаясь съ горестью увидѣлъ, что нетерпѣливый паша уже снялся съ якоря. Нѣкоторые корабли шли подъ нижними парусами, другіе подъ брамселями, третьи подъ стакселями. Вѣтеръ свѣжѣлъ, каикъ нашъ отставалъ; мы были въ миляхъ четырехъ отъ Селиміера и гребцы выбились изъ силъ; но я кричалъ: налягъ! и удвоивалъ плату. Мы выгребли до скалъ Симплегадъ, насупротивъ азіатскаго мыса Калцедонія — это входъ въ Босфоръ, шириною въ 20 миль. Здѣсь встрѣтила насъ сильная зыбь съ отбоемъ — челнокъ нашъ едва не опрокинуло, гребцы начали молиться… мы были еще въ миляхъ шести отъ флота,

который началъ приводить къ вѣтру, но отдалъ марса–фалы — какъ казалось, увидавъ меня. Однакоже гребцы стали поворачивать назадъ, и точно, одна волна могла бы залить нашъ каикъ. Я взялъ въ одну руку пистолетъ, въ другую горсть серебра: гребцы, пожавъ плечами, принялись за весла. Наконецъ мы въ четвертомъ часу достигли Селиміера, пройдя съ утра греблей 38 миль!

Нельзя было пристать за зыбью и волненіемъ и гребцы упрашивали меня воротиться, увѣряя, что каикъ тотчасъ опрокинетъ. Я кричалъ: концы подайте! Къ одному привязалъ я вещи свои и ихъ подняли — за другой самъ ухватился и, выждавъ время, когда каику можно было на гребнѣ волны выдти изподъ меня, рванулся и выскочилъ на палубу. Аферимъ! закричали турки — браво! Я оглянулся — каикъ уже нырялъ между волнами вдалекѣ.

Паша курилъ, сидя на гакабортѣ. Аферимъ, сказалъ и онъ мнѣ – какъ васъ не опрокинуло на такой скорлупѣ? — Благостію Божіею, отвѣчалъ я. Великъ

Богъ, сказалъ онъ, прошу садиться. Подать трубку. Подняли марсы–фалы, посадили фока–галсъ, такъ что только рей трещалъ, и мы пустились въ Черное море, по девяти узловъ.

Селиміеръ отлично слушался руля и летѣлъ какъ фрегатъ. Какой прекрасный корабль, сказалъ я! Да, отвѣчалъ паша, по милости Божьей, хорошъ. — Безъ Бога ни до порога, сказалъ я, но вѣдь и мастеру заслуга; кто его строилъ? — Право не знаю, отвѣчалъ адмиралъ. Надо итти къ русскому флоту, говорилъ я — надо отбить у нихъ Сизополь. — «Бакалумъ» посмотримъ, отвѣчалъ онъ спокойно на все это — Иншаллахъ, коли Богу угодно; Аллахъ–керимъ, Богъ милостивъ.

Бакалумъ, Иншаллахъ, Аллахъ–керимъ — вотъ враги турокъ, говоритъ англичанинъ Следъ — а я, переводчикъ, прибавлю отъ себя, что и у нашего брата есть такіе же природные непріятели: это авось, небось, да какъ нибудь; Эти непріятели насъ часто губятъ!

Прошедши миль 20, продолжалъ Следъ, при закатѣ солнца, турки пристально смотрѣли по небосклону на бѣлыя облака, не паруса ли это? Но въ то же время вдругъ на сѣверѣ показался русскій фрегатъ. Паша велѣлъ сомкнуть линію и взялъ курсъ къ берегу. На совѣтъ мой выслать фрегатъ встрѣчу идущему, паша ни какъ не согласился.

Наступила ночь; имамы, съ крюсъ–марса каждаго корабля, пріятнымъ напѣвомъ приглашали правовѣрныхъ на молитву. Всѣ палубы въ мигъ покрылись молящимися. Кончивъ молитву, каждый ложился въ повалку, гдѣ кому приходилось; коекъ или постелей не было ни у кого; самъ адмиралъ спалъ въ конурѣ, за бизань–мачтой, куда надо было лѣзть ползкомъ. Вахтенные мурлыкали гнусливые напѣвы; въ полночь, и въ 4 часа утра, двѣнадцать барабановъ вызывали подвахтенныхъ на смѣну. Съ разсвѣтомъ мы были у самаго входа въ Босфоръ: ни одного чужаго судна не было въ виду — и это очень успокоило весь экипажъ. Но у входа встрѣтила насъ

шлюпка, съ приказаніемъ султана, итти въ море. Паша былъ очень недоволенъ, но его утѣшила немного другая шлюпка, которая везла шута пашинскаго и лоцмана, не поспѣвшихъ наканунѣ.

Шутъ вскочилъ на палубу, кувыркомъ по воздуху очутился подлѣ своего повелителя, и поцѣловавъ полу кафтана его, сказалъ: Вотъ какъ перевернется передъ тобою русскій адмиралъ!

Я велю пригвоздить ухо твое къ дверямъ моей каюты, отвѣчалъ паша — гдѣ ты шатался?

Тогда дуракъ будетъ подслушивать тайны мудреца — сказалъ шутъ; спроси лоцмана, онъ передъ тобою: не возми онъ меня въ свою лодку, то дураку оставалось развѣ приплыть къ побѣдоносному флоту твоему верхомъ на морской свинкѣ; перевозчики шутокъ не знаютъ, а требуютъ денегъ.

Это былъ намекъ на скупость паши, который разсмѣялся и заговорилъ о другомъ.

Вышедшая въ море турецкая эскадра состояла изъ шести кораблей, трехъ

фрегатовъ, пяти корветовъ и трехъ бриговъ. Кромѣ капудана–паши, на эскадрѣ было еще три адмирала. Двое изъ нихъ были храбрые и опытные моряки, которые командовали кораблями подъ Навариномъ. Тамъ, по словамъ ихъ, пала и вся ихъ сила морская, и матросы и офицеры — а остались новобранцы, сволочь. Разсказывая, какъ русскій бригъ Меркурій ушелъ отъ нихъ, одинъ изъ адмираловъ, капуданъ–бей, бѣсился и говорилъ: «Заяцъ былъ въ моихъ рукахъ — но псы мои сами испугались своего лая! Первое ядро брига отбило ихъ отъ орудій и они отступились!»

Сдѣлали ученье съ пальбой, которое паша поручилъ мнѣ. Толпа въ 1400 человѣкъ бросалась кучками туда и сюда — не было никакой возможности сладить съ нею и вразумить ее. Комендоры каждый разъ позабывали затыкать запалъ и стрѣляли безъ прицѣла. Пальники стояли по палубѣ гдѣ и какъ попало, кадокъ для этого не было. Въ числѣ 120–ти орудій на Селиміерѣ, было нѣсколько пушекъ 110–ти фунтовыхъ, съ огромными каменными

ядрами. При этихъ орудіяхъ состояли особые бомбардиры. Я велѣлъ выстрѣлить изъ одного, а самъ отошелъ было къ носовымъ портамъ, чтобы видѣть полетъ ядра: оглянулся — никого нѣтъ около пушки, всѣ бѣжали, подымаясь по трапу изъ палубы и подхватывая на бѣгу мотню шароваръ. Боялись, что пушку разорветъ. Я не хотѣлъ отступить отъ приказанія и вынужденъ былъ самъ приложить пальникъ.

На другой день я хотѣлъ осмотрѣть крютъ–камеру. Вы увидите ее, сказалъ паша, когда мы вступимъ въ сраженіе. Тогда будетъ поздно — отвѣчалъ я. Подумавъ, онъ сказалъ: Хорошо, съ Богомъ, но порохъ вещь опасная. И въ самомъ дѣлѣ опасная — особенно на турецкомъ кораблѣ; огней не только не гасили при этомъ, но меня провожали четыре простыхъ фонаря, а въ крютъ–камерѣ, гдѣ порохъ былъ повсюду разсыпанъ, и картузы лежали кучами и подавались къ заряду безъ кокоръ, хотѣли еще вынуть свѣчи изъ фонарей, чтобы мнѣ

лучше видѣть этотъ прекрасный порядокъ. Не понимаю, какъ не всѣ турецкіе корабли сами себя подымаютъ на воздухъ.

Главное строгое требованіе турецкаго адмирала было, чтобы всѣ корабли жались тѣснѣе и держали линію; да чтобы люди дневали и ночевали безотходно у пушекъ. Прислуга каждаго орудія составляла артель, которая сидѣла тутъ на коврѣ или войлочкѣ, пила кофе и курила трубки. Для этого въ каждомъ декѣ было по двѣ кофейни, гдѣ варили и жарили день и ночь. Все сидѣло или лежало весь день въ повалку, и турки немогли надивиться мнѣ, что я, котораго никто не погонялъ хлыстомъ или палкой, весь день ходилъ по кораблю; а когда я однажды полѣзъ на салингъ, чтобы высмотрѣть показавшееся издали судно, то вся команда высыпала на палубу, чтобы посмотрѣть на такое чудо.

Понадобилось взять рифы: для этого съ каждаго нока марса–рея человѣкъ спускался по шкаторинѣ марселя и съ большимъ трудомъ продѣвалъ штыкъ–болтъ въ люферсъ, въ которомъ небыло

желѣзнаго коуша. Впрочемъ, работы шли изрядно. Я хотѣлъ вразумить турокъ, но мнѣ отвѣчали, что такъ водилось всегда, и желѣзнаго коуша не нужно.

При лавировкѣ, эскадра всегда поворачивала послѣдовательно, т. е. одинъ корабль за другимъ; поэтому ночью, идучи разными галсами, корабли нерѣдко сваливались. Два несчастные корвета, между прочимъ, столкнулись такъ, что съ трудомъ доплелись послѣ до Босфора, а въ Стамбулѣ все переполошилось, полагая что весь флотъ разбитъ русскими и остались всего только два обломанныхъ корвета.

Эти ломки надоѣли пашѣ и онъ просилъ моего совѣта. Я предложилъ, чтобы вся эскадра поворачивала ночью вдругъ: это ему понравилось и онъ велѣлъ было мнѣ внести маневръ этотъ въ число сигналовъ; но обдумавъ дѣло, онъ часа черезъ два прислалъ за мною и съ важностью объявилъ, что не можетъ согласиться на мою выдумку. Я увѣрилъ его, что это вовсе не моя выдумка — но спросилъ, почему? — Потому, сказалъ паша, что тогда

разстроится линія. Противъ этого нечего было сказать.

На шестой день мы заштилѣли, и страхъ былъ великъ, чтобы русскій флотъ не отрѣзалъ насъ отъ Босфора. Я предложилъ итти въ Сизополь, Варну, даже въ Севастополь, раззорить и сжечь что можно, и воротиться. Паша собралъ флагмановъ и командировъ для совѣта. Совѣтъ рѣшилъ, что предложеніе мое негодится. Я махнулъ рукой и поѣхалъ съ Нурей–беемъ, командиромъ фрегата, обѣдать.

Фрегатъ этотъ, какъ всѣ суда турецкія, былъ очень чистъ и опрятенъ; турки моютъ палубы ежедневно и притомъ у нихъ вовсе нѣтъ привычки плевать. Я наѣздникъ, говорилъ Нурей–бей, и до назначенія меня командиромъ на фрегатъ, ни въ морѣ, ни даже на суднѣ никогда не бывалъ. Вообще командиры турецкихъ судовъ, вовсе не зная дѣла, сидятъ за кофе и за трубкой, предоставляя офицерамъ полное распоряженіе; если ихъ во время работъ что нибудь обезпокоитъ, то такой командиръ вскакиваетъ и отколотивъ

чубукомъ или рупоромъ первыхъ двухъ или трехъ человѣкъ, кто попадется, опять садится на свое мѣсто и берется за трубку.

Однажды капуданъ–паша спросилъ меня, не хочу ли я видѣть сухопутную силу его, которая была также на кораблѣ, чего я дотолѣ и не зналъ, и тотчасъ же шесть жалкихъ солдатъ, съ барабанщикомъ и флейщикомъ явились передъ нами. Они стали дѣлать ружейные пріемы и шутъ пашинскій, схвативъ чубукъ, сталъ ихъ передразнивать. Всѣ хохотали, и сами солдаты, и паша и зрители.

Въ другой разъ я вышелъ чуть свѣтъ на палубу: мы несли бомъ–брамсели, реи были кой–какъ обрасоплены, команда и всѣ вахтенные спали, и сподвѣтра угрожалъ шквалъ. Я разбудилъ вахтеннаго офицера, который простодушно спросилъ: «Да что же теперь дѣлать?» — Толковать было некогда; я спѣшилъ убрать паруса, обрасопить реи и едва справился, какъ жестокій шквалъ разметалъ весь флотъ. Паша съ безпокойствомъ вылѣзъ изъ кануры своей; я подошелъ къ нему и

сказавъ, что даже нижніе порты всѣ на–ночь оставались не закрытыми, прибавилъ: «Если впередъ мы будемъ такъ безпечны, то легко можетъ случиться, что уснувъ спокойно на этомъ свѣтѣ, нечаянно проснемся на томъ.» Я не успѣлъ оглянуться, какъ вахтеннаго офицера схватили, чтобы, по приказанію паши, выкинуть за бортъ. Съ трудомъ я остановилъ казнь эту и успокоилъ разгнѣваннаго пашу.

Русскіе фрегаты въ теченіе десяти дней были постоянно въ виду. Наконецъ, я уговорилъ пашу послать на нихъ погоню. Послали фрегатъ и корветъ; мы шли подъ малыми парусами и ничѣмъ не могъ я убѣдить адмирала итти на прекрасномъ кораблѣ своемъ самому въ погоню. Онъ боялся русскихъ какъ пугала, и вся команда также.

Наступила ночь. Одинъ корабль, флагманъ Реалъ–бей, упалъ далеко подъ вѣтеръ и не хотѣлъ прибавлять парусовъ. Паша былъ въ нерѣшимости строить ли опять линію по этому кораблю, или лечь въ

дрейфъ и выждать его. И это все дѣлалось при погонѣ за непріятелемъ! Стали совѣтоваться: одни говорили, что ночью строиться опасно, можно свалиться; другіе, зная слабость паши, полагали, что всего важнѣе выстроиться въ одну линію, шутъ утверждалъ, что если мы только начнемъ спускаться, то конечно нельзя будетъ остановить ни одного корабля, до самаго входа въ Босфоръ; буфетчикъ замѣтилъ, что ночью вообще мудрено что нибудь сдѣлать; главный чубушникъ опасался за здоровье паши, а самъ паша, измоченый дождемъ, бѣгалъ въ сердцахъ и нерѣшимости взадъ и впередъ по шкафутамъ, съ трубкой въ одной рукѣ, съ рупоромъ въ другой, кашлялъ, сердился и не зналъ что начать. Наконецъ явился главный поваръ и также началъ разсуждать. Вышедъ изъ терпѣнія, я взялъ его за оба плеча, повернулъ и оттолкнулъ; шутъ расхохотался, капитанъ тихонько пожалъ мнѣ руку, поваръ бранился. Наконецъ отправили тендеръ со строгимъ приказаніемъ къ Реалъ–бею прибавить

парусовъ, и въ одинадцатомъ часу линія была выстроена и всѣ корабли несли огонь.

Порывистые шквалы стали усиливаться; встревоженный паша просилъ меня обойти весь корабль и осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Въ декахъ было великолѣпное освѣщеніе, вся команда сидѣла по пушкамъ — но вездѣ встрѣчали меня просьбою присовѣтовать пашѣ спуститься къ Босфору. Утомившись, я прилегъ въ каютѣ на часокъ уснуть; вдругъ просыпаюсь отъ шума воды мимо борта... бѣгу на верхъ, и вижу что мы летимъ въ полный бакштагъ по 12–ти узловъ!!

Я не сказалъ ни слова — говорить было поздно. Мы пролетѣли Босфоръ въ туманѣ и съ такою скоростію, что я увѣренъ, будь это русскій флотъ, онъ проскочилъ бы мимо всѣхъ береговыхъ батарей также благополучно, какъ и мы. Въ Буюкдере вся эскадра въ удивительномъ порядкѣ, въ одну линію, бросила якорь. Всѣ суда заняли обычныя свои мѣста.

Капуданъ–Паша донесъ султану, что подходилъ на видъ Сизополя и загнавъ

русскій флотъ въ свои порты, остался повелителемъ Чернаго моря. Весь Стамбулъ говорилъ: Великъ Богъ! и праздновалъ побѣду своего флота.